

С. В. Смирнов*

Русские эмигранты о Китае (1920–30-е гг.)

В начале 1920-х гг. в результате революции 1917 г. и Гражданской войны в России в Китае оказалось около двухсот тысяч бывших российских граждан. Значительная часть русских, попавших в Китай, имели смутные представления об этой стране, никогда не стремились здесь оказаться и рассматривали пребывание на китайской территории как меру вынужденную и временную. Тем не менее «русский эмигрантский эпизод» в Китае затянулся более чем на четверть века. Долгое пребывание русских эмигрантов в совершенно иной для них социально-культурной, религиозной среде вызвало стремление в какой-то степени к «исследованию» окружающей действительности и неминуемо вело к формированию набора представлений о стране вынужденного проживания, ее народе, его жизни и культуре.

Несомненно, взгляд на Китай в сознании русского эмигранта формировался не на пустом месте, а опирался на уже существовавшие в российском массовом сознании представления о Поднебесной. По нашему мнению, можно говорить о двух направлениях в осмыслении Китая и формировании его образа, характерные для российского сознания начала XX в.: позитивно-нейтралистском и негативном. Позитивно-нейтралистское направление достаточно высоко оценивало культурную самобытность, большую историческую длительность и непрерывность китайской цивилизации, потенциал которой отнюдь не исчерпан, и возрождение униженного европейскими державами Китая уже началось. Негативное направление воспринимало Китай в качестве отсталой, варварской страны, где все ожесточенно противостоит современности, прогрессу, содержит в себе угрозу для европейских стран и России. Это нашло яркое выражение в термине «китайщина». Два этих видения могли своеобразным образом переплетаться, уживаться в сознании одного человека.

Для реконструкции образа Китая в российском эмигрантском сознании очень плодотворным представляется обращение к дневникам эмигрантов, учитывая при этом, что Китай занимает далеко не главное место в их содержании. «Китайщина», как нечто чуждое,

* *Сергей Викторович Смирнов* – к. и. н., доцент кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета (г. Екатеринбург).

противоположное собственному социально-культурному пространству, на страницах эмигрантских дневников, с одной стороны, выступает как объект «этнографического» исследовательского интереса, с другой стороны, как объект критики и предмет отторжения эмигрантского сознания. Интерес к «китайщине» как «исследовательскому» объекту ярко представлен в дневниковых записях супругов И. И. и А. Н. Серебренниковых, известных своей активной общественной и научной деятельностью в Иркутске и эмиграции. Эвакуировавшись в Китай в конце 1919 г., Серебренниковы некоторое время жили в Харбине и Пекине, а с 1922 г. надолго обосновались на иностранной концессии Тяньцзиня.

С самых первых дней пребывания на китайской земле, несмотря на крайнюю озабоченность своей дальнейшей эмигрантской судьбой, супруги живо знакомились с китайской действительностью, ее населением. После остановки на станции Маньчжурия в начале 1920 г. Александра Николаевна отмечала: «В общем, Маньчжурия мне не понравилась. Голо, пусто – ни деревьев, ни кустов. По виду не то город, не то деревня; на улицах шумно, но как-то неуютно. Все странно и чуждо для нас: в магазинах – русские торговцы, русская речь, но русским духом и не пахнет; китайщина все собой подавляет» [3; 69]. Посещение станции Чжаланьтунь добавляет впечатлений: «Ходили в китайскую деревню – точно в настоящем Китае побывали: узенькая, грязная улочка, низенькие лавчонки, кругом кишмя кишат китайцы: женщины, старики, ребятишки. Девочки-китайки, лет 14–15-и, очень мило причесаны, с бумажными цветами в волосах; почти у всех – крошечные, изуродованные ножки. Одеты женщины и девочки в мужские штаны и кофты-курмушки из пестрой или черной, с крупными цветами, материи. В лавках китайцы очень вежливы: здороваются, а когда уходишь – забегают вперед и отворяют двери» [3; 74].

Попав в Пекин, еще недавно величественную столицу Китайской империи, Серебренниковы начинают активно знакомиться с архитектурными памятниками, историей страны, посещая немало страниц в своих дневниках описанию тех мест, которые они посещали. Серебренниковых, особенно Александру Николаевну, привлекает экзотическая культура Китая, наполняя их осознанием ее древности (аналогичной Античности! – С. С.), развитости и величия.

30 января 1921 г. Александра Николаевна отмечает в своем дневнике: «В свободное время опять знакомимся с достопримечательностями древней китайской столицы, куда забросила нас судьба. Посетили дворцовый музей – бывший когда-то дворец богдыханов. Впечатление – колоссальное... Перед нами была совершенно античная площадь, большие плиты, которые заросли теперь

травой... Мы вошли внутрь главного дворцового строения... Какое искусство, какая великая красота во всех этих произведениях древнего китайского гения! Недаром говорили нам, что Китай – страна тысячелетней высокой культуры» [3; 96, 97].

Сильное впечатление на А. Н. Серебренникова оказывает китайский Новый год, празднование которого она с мужем впервые наблюдает в Пекине в 1921 г.: «Ярко освещенная улица, множество цветных фонарей, гром хлопушек, ракеты, фейерверки, крики, смех, шум бесчисленных уличных толп... Меня с силой охватило ощущение необыкновенной праздничности – гораздо большее, чем в наш собственный Новый год. Поздно вечером услышали мы мерные удары в большой колокол – гулко, грозно и торжественно пронеслись они и замолкли. Нам сказали, что это колокол ламайского храма. Я прислушивалась к нему с почти благоговейным чувством: соприкосновение с чужой религией, с чужим Божеством – странно сказать – как-то мистически волнует меня» [3; 99].

Тесное соприкосновение с китайской культурой и историей побуждает И. И. Серебренникова приступить к ознакомлению с этой страной своих соотечественников, русских эмигрантов. При этом он активно критикует российский дипломатический корпус и сотрудников Пекинской Духовной миссии за «русскую инертность в исследовательских делах» Китая. На протяжении 1920–30-х гг. Серебренников подготовил и частично издал целую серию этнографических статей, посвященных религиозным культам, мифологии, поверьям и фольклору китайцев, а также описанию повседневной жизни китайского населения. На страницах его дневника также неоднократно встречаются заметки о китайских праздниках и бытовые зарисовки.

«Этнографические» описания «китайщины» мы обнаруживаем в дневниках русских офицеров, служивших в китайской армии генерала Чжан Цзунчана в 1920-х гг. [1, 2].

Полковник И. И. Штин, профессиональный военный, кавалер ордена Св. Георгия IV степени за Германскую войну, с почти научной объективностью и беспристрастностью заносит в дневник впечатления от увиденного им в Северном Китае. 12 февраля 1925 г.: «Запомнить названия китайских деревень невозможно, все какие-то Цинлу, Цзинь-фу, Эрда-фу и т. д. Кроме того, по существу, отдельных деревень нет, строго говоря, провинция – одна сплошная деревня. Я никогда не думал, что местность может быть так густо населена. На пространстве нашей четверти десятины стоит фанзешка, в которой живет семейство из десяти душ! Кого только тут нет! И бабушки, и дедушки, и ребятишки всех возрастов. Все спят на канах, там же чифанят, тут же умирают и рождаются. И вот на этом кусочке все и работают. Да мало того – тут же еще несколько

холмов – это могилы предков и умерших родственников. Их хоронят тут же, на своем участке поля. Китайские крестьяне – очень хорошие, смиренные, страшно трудолюбивый народ... Густота населения такая, что все живое – съедено, нет даже никаких птиц. Тут только едва-едва можно прожить человеку и в малейший недород начинается страшнейший голод, и тогда китайцы мрут как мухи...» [1; 214, 215].

10 июля, Цинан: «...Живем в китайских домах с бумажными потолками, с окнами в мелком переплете, заклеенными тонкой рисовой бумагой. Здесь нет никаких уборных ни в самих строениях, ни на дворе. Их заменяет любое место – на задворках или у забора. И оставленное не пропадает: с раннего утра бегают китайцы с корзинками, собирая туда отбросы и все остальное, все это пресуют, утрясают и, набрав целую корзину, садятся и начинают лепить из этой массы круглые плоские лепешки, которые затем уже бегут продавать» [1; 218, 219]. 2 ноября, Цинанфу: «У китайцев все просто: Дубань (губернатор – С. С.) собрал налоги с населения Шаньдунской провинции вперед за несколько лет, а теперь выпустил свои деньги. Чтобы они котировались и шли на уровне серебра, он приказал, чтобы во всех менялках их меняли наравне с серебряными долларами и также принимали. Тем, кто закроет менялку или откажется разменивать по его курсу, – тут же рубят голову... А народ молчаливо работает, разоряется, мрет с голоду, снова работает, снова разоряется, и так без конца» [1; 224, 227].

Аналогичные по своей «этнографичности» описания встречаются на страницах дневника полковника Генерального Штаба А. А. Тихообразова. Находясь несколько дней в Тяньцзине, Тихообразов отмечает: «видел быт китайцев, в том числе пытки и казни с вырезанием у женщин груди, мускулов ног, отрезанием рук и т. п. Все это производит гадкое впечатление» [2; 235]. 25 апреля [1926 г., Пекин]: «...пошли в Запретный город, куда нас пустили, на стены... По дороге к нему у стен на шестах – отрубленные головы» [2; 241].

«Этнографическая» описательность «китайщины» в дневниковых записях русских эмигрантов нередко соседствует с ее критическим осознанием. В частности, это можно увидеть в противопоставлении китайской и русской (или европейской) культуры, образа жизни. Важным элементом этого противопоставления является, например, дихотомия китайской грязи и европейской чистоты. Из дневника Штина от 26 декабря 1925 г.: «Ездили с Николаевым в Циндао... Хороший город, в котором еще не выветрилось немецкое влияние. Отличные дома, хорошие улицы, везде чистота и порядок» [1; 229]. Для сравнения у того же Штина: «Тяньфу – типично китайский город. Скученное население, одна широкая пыльная улица, от которой в стороны расходятся узенькие улочки,

застроенные маленькими грязными фанзами...» [1; 216]. Из дневника Тихообразова от 27 апреля 1926 г.: «Поехал в Духовную Миссию в Пекин. Вокруг миссии – жалкие лачуги... Пекин так неинтересен, что и ходить по нему не хочется, грязная деревня, да и только. В миссии видна печать разрушения. Как-то все расплзается, хотя довольно чисто...» [2; 241].

Необычайно ярко критика «китайщины» проступает в дневнике И. И. Серебренникова в первой половине 1930-х гг. Здесь чувствуется усталость от долгого вынужденного пребывания в чужой во всех отношениях стране и понимание невозможности вернуться на родину. Большой интерес представляют пространные размышления Серебренникова о «сожительстве русских и китайцев» в Китае от 8 октября 1932 г.: «Долгое сожительство рядом, бок о бок, нос к носу становится как будто уже мало выносимым. Китайцы перестают привлекать к себе симпатии, когда имеешь время к ним приглядеться... Становится противным тот дух торгашества, коим китайский народ проникнут сверху донизу. Все эти «комишоны» (commission), взятки, поборы – альфа и омега китайской жизни... Если китайцу попадет в руки та или иная денежная сумма для торгового оборота, он должен что-то заработать для себя: это закон, который необязателен только для дураков.

Чиновники – как будто все казнокрады и взяточники. Богатые и прибыльные должности сдаются на откуп... Китайские гражданские войны – это тоже своего рода коммерция. Эти войны разоряют население, но безмерно обогащают генералов, которые нередко превращаются в миллионеров...

Если вы начинаете смотреть на китайца как на лицо, которое всегда можно купить и подкупить, вы невольно теряете всякое уважение к нему и начинаете понимать причину всех беспорядков и настроений в его стране. Вы готовы уже презирать китайца и в то же время чувствуете, что он сам презирает вас, потому что вы как русский беженец... и если он ведет еще с вами кое-какие дела, то только потому, что у вас есть еще некоторые средства, которыми можно попользоваться...

Торгашество, страх и преклонение перед сильным, издевательство над слабым – может ли все это действительно привлекать симпатии к китайцу? Конечно, нет» [3; 233, 234].

Раздражение китайской действительностью, сложное положение русских эмигрантов в стране, усугубленные пониманием невозможности возвращения на родину, порой порождали своеобразный колониальный дискурс в сознании Серебренникова – позиционирование Китая в качестве отсталой, варварской страны, жители которой, низшие существа, самонадеянно вознамерились освободиться от рабства. Характерна в этом отношении запись от

25 мая 1934 г.: «Вчера я поздно ночью возвратился из Русского клуба, где я играл в шахматы и пил пиво... На каменном полу ниши, куда выходит парадное крыльцо моей квартиры, я наткнулся на какое-то маленькое существо, свернувшееся калачиком и, видимо, расположившееся тут спать... Это был маленький китайчонок, уличный бродяжка, нищий-попрошайка наших кварталов. Я рас-
свиrepел... Как посмел этот маленький желтый расположиться на ночлег у дверей белого?! Несчастлиная раса... жалкие рабы, надумавшие стать свободными!» [3; 390].

Но тут же, как отрезвление, смешанное с жалостью и стыдом, пришло понимание того, что судьба русских там, на родине, во многом схожа с судьбой китайцев: «Я в ярости хотел вышвырнуть китайчонка на середину улицы, чтобы впредь не было повадно ему ночевать, где не следует, и вдруг остановился. Китайчонок что-то жалобно лепетал со сна, перемешивая китайские слова с русскими, которым он научился тут же, *на наших улицах* (курсив мой – С. С.), где так много гуляет и бродит русских. Среди этих слов я явственно услышал восклицания: – Дядя, дядя! Он, видимо, просил моего разрешения переночевать у дверей моей квартиры. И вдруг я вспомнил свою родину, своих рабов, захотевших тоже стать свободными, своих русских беспризорных, детей, ютящихся порой по ночам в водосточных канавах и трубах. Я закрыл глаза и прошел в свою квартиру...» [3; 390].

Дневники русских эмигрантов дают яркий пример формирования и функционирования образа Китая в эмигрантском сознании в рамках содержательно-смыслового конструкта «китайщина». Осознавая себя носителями европейской прогрессивной культуры, эмигранты зачастую видели в Китае отсталую, малокультурную страну, в которой вынуждены прозябать волей судьбы. И даже те, кто стремился открыть для себя древнюю, самобытную и высокую культуру Китая, смотрели на нее через призму европейской, выступая исследователями, препарирующими китайскую традицию. Принятие Китая со всей его социокультурной спецификой практически не происходило, что было обусловлено, в частности, большой культурной чуждостью и нежеланием эмигрантов интегрироваться в китайскую среду. Негативное видение Китая подкреплялось и крайне непростой обстановкой внутри страны, осложнявшей и без того зыбкое положение русских эмигрантов, которые подобно «краске в непогоду» находились во власти жестоких мировых бурь.

Литература

1. Дневник майора И. И. Штина // Балмасов С. С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. – М. : Центрполиграф, 2007. – С. 204–231.
2. Дневник полковника А. А. Тихобразова // Балмасов С. С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. – М. : Центрполиграф, 2007. – С. 232–298.
3. Китай и русская эмиграция в дневниках И. И. и А. Н. Серебренниковых : в 5 т. – Т. 1 : «Пока же мы счастливы тем, что ничто не угрожает нам...» (1919–1934) / общ. ред. С. М. Ляндерса. – М. : РОССПЭН, 2006.